

Моск. хамса... - 7997 - 7 марта

МОНОЛОГ О ЛЮБВИ

ЭТО НАДО ВИДЕТЬ, СУДАРИ МОИ!

НАСКОЛЬКО я помню, роль Комиссара в пьесе Штейна «У времени в плену» по Вс. Вишневскому была не первой ролью Татьяны Васильевой. Но в памяти осталась необычайно красивой в кожанке Комиссар. Повторяю: «НЕОБЫЧАЙНО КРАСИВАЯ» (в театре САТИРЫ у В. Плучака актрисы всегда были красивы или чертовски милы). Но в этой красоте было еще что-то гипнотическое, приковывающее к себе, заставляющее влюбиться раз и навсегда. Она, как стальной клинок, рассекая воздух, появлялась на сцене — и вдруг застыла. И только в темный зал прыгают солнечные отблески ее полных слез глаз. Ах, эти глаза! Что за чудо эти глаза! В них и сила, и ирония, и нежность, и боль. Они подчиняют. Ты уже воспринимаешь все происходящее на сцене только через нее. И любимые тобою артисты, лидирующие в спектакле, становящиеся ее окружением. Ты безнадежно влюблен в этого Комиссара. Безнадежно!.. Куда тебе с твоими мещанскими проблемами до такого величия духа. Безнадежно!.. Она была и тогда; много лет назад, она и сейчас — во мне, когда я смотрю другой спектакль. «Вишневый сад» А. П. Чехова. Безнадежно!.. Куда тебе,

Татьяна Васильева в спектакле «Вишневый сад».
Фото Алекс. ИВАНИШИНА.

плебею, не помнящему родства, до этой дворянки. Она появляется в вишневом саду русского поместья, и с ней возникает весь Париж, откуда она приехала, и в котором ты никогда не был, но уверен, что он точно есть, такой манящий и вульгарный. Она полна этим городом. И его аромат ты чувствуешь даже в дымке ее сигареты. Как же она красива! Красива в своей гордыне и незащитности. Красива в несоответствии со временем и с той бездарной жизнью, где рубят сад «новые люди». Где родная земля столь же незащитна, как она сама. И твоя холопская душа, привыкшая бояться всего и вся, вновь заставляет тебя быть рыцарем, защитить ее от Епиходовых, Трофимовых, Лопачиных, собственных дочерей, парижских романов. Это уже серьезно! Это любовь! Любовь к этой даме в несуразном клоунском костюме, меняющей туалеты и парики, безудержно веселой, как закулисный оркестр, и безнадежно одинокой, как одинокая скрипка в огненной музыке «Чардаша» Монти. Она

прощается с домом. Она уезжает и уже навсегда! Да почему же это так, судари мои? Ведь она — сама жизнь! И жить бы ей на этой Богом созданной для жизни земле, которая и есть ВИШНЕВЫЙ САД. Ведь человеческая природа тянется к природе земли. Они едины! Но нет. Сад вырублен! Ты плачешь вместе с ней. И с вами вместе плачет вся почтеннейшая публика в зрительном зале. Ты не одинок. И счастлив, что в эту минуту твоя любимая принадлежит только СЕБЕ. А нам, дуракам, кажется, что всем нам. Аплодисменты. Поклоны. Горло у тебя так сжато, что невозможно выкрикнуть «браво». Безнадежно!.. Как не хочется уходить из театра от Раневской на улицу к «новым людям». Это были три часа счастья. Спасибо режиссеру Лене Трушкину, спасибо драматургу Антону Чехову, спасибо актрисе Тане Васильевой. Кто-то сказал, что великие драматурги еще и потому великие, что есть великие актеры. Не помню, кто это сказал... кажется... я.

Олег МАРУСЕВ.